

Голос нерожденного ребенка

Поэма

1. Первая неделя

Еще не знает ни одна душа,
Что новой жизни зародилось чудо,
Неведомою птицей в мир спеша...
А это я!

 Меня услышьте всюду.

Но и отец не знает, даже мать
Пока не догадалась...
 Есть я все же.
Вселенная, спеши меня узнать,
Хоть я на всех на прочих не похожий.

Луна шепнула ласково:
 «Мальш!»
И солнце улыбнулось:
 «Это ты ли?»
«Серебряною птицей в мир спешишь
Иль золотой?» – они меня спросили.

Сынок иль дочка – разве в двух словах
Вы мне загадку жизни объясните?
Я не хочу на птичьих быть правах.
Я – человек!

К себе меня примите.

Коль есть на свете солнце и луна,
И вечности законы не иссякли,
Вселенная принять меня должна.
Настанет срок рождения...
Не так ли?

2. Третья неделя

Что я такой малюсенький, кому
Какое дело?
 Веточкой на древе
Живу себе один в своем дому,
Как во дворце я, в материнском чреве.

О, мама!
 Подари мне небосвод.
Отец, вручи мне солнечную долю.
Но вы не беспокойтесь: в свой черед
Подарок вам бесценный приготовлю.
А разве сам я – не подарок вам,
Голубоглазый мальчик –
 божья милость?
Мой взор подобен светлым небесам,
Признайте же мою неповторимость.

Блеск месяца и солнца ясный свет
Всегда на щечках у меня играют,
И мамин я почувствовал привет,

И рад отец, хоть обо мне не знает.

А сердце мамы, ласточкой звеня,
Почуяло: я в мире появился.
И нежный голос ласточки в меня,
Лаская слух, в тот самый миг вселился.

А сердце соколиное отца,
Меня почуяв,
 ввысь рванулось смело,
И наши перекликнулись сердца,
И соколом душа моя взлетела.

Мне – восемнадцать дней.
 Наступит срок,
И восемнадцать лет явлю я миру.
О, мир людской!
 Прими мой голосок,
На выборах Вселенских зафиксируй.

И ты, поэт – волшебник чувств, спеши
Услышать звонкий голос новой птицы,
И музыка моей живой души
Пусть рифмами в стихах твоих кружится.

На выборах Вселенских новый век
Вот-вот избрать земляне соберутся.
Здесь скажет слово каждый человек.
Здесь искрами сердца людей зажгутся.

Поэт-волшебник, разве в стороне

Останусь я неведомою птицей:

Я – человек!

Так помоги же мне

К делам людским навеки причаститься.

3. Седьмая неделя

Движеньем нежным полнюсь изнутри,

Играют ручки, ножки пляшут сами.

Ах, мама, мама! Только посмотри,

Как хочется мне оказаться с вами.

Но что такое?

Не могу понять:

Обуза я?

Какое злое слово...

«Не одолеем ноши!» – шепчет мать.

Зачем отец нахмурил брови снова?

Родители!

Я не обуза, нет.

Настанет время – буду вам опорой.

А вы опять про деньги, про бюджет

Печальные ведете разговоры.

А я-то,

песней ласточки звеня,

Все больше силу чувствую соколью,

Зачем же вы не слышите меня?

Души моей вы не узнали, что ли?

Отец мрачнее тучи:

не понять,

Куда летит страна,

в какую бездну?

Инфляции собаку гонит мать,

А я ликую – все мне интересно.

Играют ручки, ножки хоть сейчас

Готовы в путь, веленью дня послушны.

Вот погодите – вырасту,

и вас

Избавлю от инфляции бездушной.

Отец клянет парламента закон,

А мне один закон на свете ведом.

Закон любви...

Имеет право он

Вести народы за собою следом.

Закон любви...

Он освещает тьму,

Лишь с ним возможно пролететь

над бездной,

И тот, кто в жизни следует ему,

Не может стать обузой бесполезной.

А счастья срок наступит или нет?

Коль мать с отцом

благословят в дорогу,
Свет месяца и солнца ясный свет
Мечтам твоим исполниться помогут.

А я хотел бы принести с собой
Закон любви и нежности...

Повсюду
Пусть в этом мире чувствует любой
Земной любви живительное чудо.

Пусть тот закон сияет день и ночь
И каждого коснется благодатью,
Чтоб мог я обездоленным помочь,
С лихвой и радость,
и добро раздать им.

Я снова сердца мамы слышу песнь...
Оно, мне душу содрогая, бьется.
Вселенная –
я получаю весть –
Нет, не подолом маминым зовется.

4. Восьмая неделя

От крика вздрогнув,
я проснулся вмиг
И замер,
обратившись во вниманье.
Чей до меня донесся горький крик?
Из садика сестра вернулась – Таня.

Неужто, Таня, белый свет не мил,
Что так кричишь обиженно и громко?
И кулачком тебе я погрозил:
Не надо плакать,
 глупая девчонка!

Сотри скорее струи слез с лица,
Но голос мой не достигает цели,
Из моего уютного дворца
Опять меня расслышать не сумели.

Домашний собирается совет.
Нас четверо теперь со мною вместе.
Но среди родных меня не слышно,
 нет!
Пока в семье мой голос неуместен.

Все взоры – к Тане, все о ней слова,
Отец и мать,
 мы – равные на свете.
Но, знать, еще я не обрел права
На этом первом жизненном совете.

А слезы Тане заслонили взор,
И жалуется глупая девчонка,
Как на обиду,
 как на свой позор:
Ее подружка дразнит чувашленком.

Эх, Таня!

Несмышленыш милый наш,
О, как хочу твою утешить душу:
Чувашка – мать, да и отец – чуваш,
Какое слово славное, послушай!

И если б кто-то так меня назвал,
Мол, чувашленок,
сердце было б радо!

Я б от души того расцеловал:
Заметили, узнали – вот отрада!

Пойми, Танюша, что причины нет
Ни жаловаться, ни рыдать упрямо,
Души чувашской робкой льется свет,
Его так щедро излучает мама.

А как с тобою ласков наш отец,
Он на руки берет тебя, Танюша.
Биение родительских сердец
О девочка упрямая, послушай.

А я хотел бы,
ласточкой звеня,
Летать вокруг рыдающей сестрицы,
Чтобы она заметила меня
И улыбнулась нежно «новой птице».

Мать утешает, и отец готов

Свою дочурку одарить вниманьем...
Но что я слышу среди добрых слов:
«Забудь о том, что ты чувашка, Таня!

Ты знаешь хорошо другой язык,
Так говори на нем легко и смело».
Отец! Отец!

 Душа моя на миг
От этих страшных слов окаменела.

Вы по головке гладите дитя,
А наш родной язык дрожит от страха.
Зачем же вы толкаете шутя
Его, невиноватого, на плаху?

Ах, мама, мама!

 Говори со мной,
Мне удели внимание и милость.
Ответь, чем плох он,
 наш язык родной?
Зачем ты за него не заступилась?

Тебе, отец,
 которому беречь
Очаг родной, ужель не больно это:
Ты наш язык, родную нашу речь
Не защитил от грубого навета.

Вот солнышко, радушный светлый лик
Взошел над нами и утешил Таню.

Она смеется –

плачет наш язык.

О, как понятно мне его рыданье!

Мне во дворце моем покоя нет:

Меня отсюда не услышат снова.

Ах, выпорхнуть бы ласточкой на свет,

На крыльях вознести родное слово!

5. Девятая неделя

Бывает:

вдруг волной накатит грусть,

От радости сильнее сердце бьется,

Ребенком счастья в мире назовусь,

В нем так огромно золотое солнце.

Мне ведомы дыхание тепла,

Добра и зла стремительные стрелы,

Та бдительность,

что сотни лет была

Родных племен спасительным уделом.

Предчувствие мне наполняет грудь:

Инфляции собака рыщет рядом.

Под сердце мамы спрятаться, нырнуть,

Ах, мама,

выдавать меня не надо.

Все мысли злые разгони, развей,
Ни дьявольской душой гореть от века,
Ни лешим быть в лесу,
 среди людей –
Мечтаю стать достойным человеком.

И так повсюду дьявольская рать
Не только по лесам бродить готова,
Ей ничего не стоит обломать
Родные ветви с древа родового.

И вот уже,
 тревоги не тая,
Мечусь, ищу спасения дорогу,
Далекая прабабушка моя
В моей крови заговорила строго:

«Пугала нашу женщину беда
Горячки послеродовой виденье,
Но крошечку души своей всегда
Она звала надеждой
 и спасеньем.

Хотя одной ногой была в гробу,
Готовила пеленки для младенца,
Благодарила бога и судьбу
За щедрый дар,
 за доброе наследство».

Злым духом для тебя не стану,

нет!
Эби¹ улыбку добрую не прячет.
Здоровым,
сильным появлюсь на свет,
А нынче уж не так страшны горячки.

Ты крошечку души своей храни,
Решать за бога – грех,
я это знаю.
Пусть только он мои считает дни,
Не брось меня собаке в пасть,
родная!

Коль песня мамы,
волшебство твоя,
Мне силы придает, то превратится
И крошечка души в богатыря,
Пусть, мама, божий замысел
свершится.

6. Десятая неделя

В рубашечке-скафандре кувырок
Исполнил я, и рад, и горд собою,
Смотри, отец,
как ловок твой сынок,
Он может сальто выполнить любое.

Молчанием отец ответил мне...

¹ Эби - повитуха (тут - акушерка).

Неужто и теперь я –
ноль пред вами,
Неужто в нашей маленькой семье
Не наделен я равными правами?

Давай поговорим с тобой, отец,
На равных,
как с мужчиною мужчина,
Признайся, объясни мне, наконец,
Тяжелых дум, молчания причину.

Шумит привольно рынок мировой,
И вот в торговой преуспев науке,
Не брезговал базаром прадед мой,
Так что ж ты опустил бессильно руки?

Я новой жизни разгадал секрет:
Выносливость твоя –
всему опора,
А ты горюешь, мол, зарплаты нет,
Твой сын, отец,
тебе поможет скоро.

Смотри, отец, здоров я и силен,
И мне легко во чреве кувыркаться.
А нынче так: кто ловок, только он
С удачей в жизни
может повстречаться.

Так потерпи, отец, еще чуть-чуть,

Меня душою дьявола не сделай,
А срок придет:
на твой нелегкий путь
Явлюсь к тебе помощником умелым.

Возглавить род – нелегкая стезя,
Но если кто родного сына предал,
Тому уже спокойно жить нельзя,
За ним пойдет возмездие по следу.

Родимый мой!
Творение твое –
Чувашская душа во мне, как птица,
И коль не сможешь уберечь ее,
Какой надеждой день твой озарится?

Возьми терпенье ты в поводьери
И заслони собой дитя родное,
Приду на свет – в сиянии зари,
Собой украшу древо родовое.

7. Одиннадцатая неделя

Как сладко палец я сосал во сне,
Но вдруг возникла странная картина:
С вороньим носом человек ко мне
Пришел отрезать жизни пуповину.

Он хочет привязать ее к хвосту

Буланого жеребчика...

О боги!

Как мчится жеребенок на ветру,

Меня собака гонит по дороге!

Я просыпаюсь, ужасом объят.

Хочет мир, надев наряд паяца:

«Эй, чувашленок!

Будь тому лишь рад

И тем гордись,

что высосал из пальца».

Мир, что дарует всем счастливый путь,

И мне яви любовь свою и милость,

Чтоб пуповина жизни –

счастья суть

Всю жизнь мою

езде со мной хранилась.

Мир, где рождаются дети для любви,

И мне яви внимание и милость.

Я – человек!

И жизнь в моей крови

Нет, не напрасно в мире зародилась.

Мир,

что родные души сотворил,

Не допусти немислимой потери.

Пойми, мне белый свет отсюда мил,

Не дай в труппах сгинуть

диким зверем.

И так чувашаи по земле по всей
Разбросаны – и встретится едва ли,
Огонь сердец родной земле своей
И своему народу не отдали.

Жизнь коротка,
мы гости на миру,
И потому хочу быть в самой гуще.
Но вовсе не на праздничном пиру –
Хочу спешить за впереди идущим.

О, белый свет!
Плесни хотя б чуть-чуть
Любви и счастья, чтоб не затеряться,
Чтобы верша к истокам вечным путь,
В калитку жизни мог я достучаться.

Вселенная, послушай:
я иду!
Отдам тебе рубашку – знак удачи.
Ведь неужели, чтоб прогнать нужду,
Навеки я заложником назначен?!

8. Двенадцатая неделя

Молчанием обижен, я заснул,
Вниз головою кувыркавшись смело,

Но разбудил меня веселый гул,
Лучистая мелодия звенела.

Чувашский гимн про солнце, небосвод...
Ах, как он льется, звукам жизни вторя,
И чья душа так радостно поет,
Когда меня за горло держит горе?

Мир, музыке внимая с высоты,
Услышать тех,
 кто не рожден, не может.
Ах, мама, мама!
Неужели ты
Отрежешь жизни пуповину все же?

В палате белой слышен бег минут.
Кто здесь убийца?!
 Господи, помилуй,
Вампиры-дьяволы за мной идут!
... Вот ножницы сомкнулись
 страшной силой.

В палате белой – мама...
Стрелки бег
Отсчитывает краткие мгновенья.
Кто я теперь?
 Не леший – человек.
Увы! Лишенный права на рождение.

О, краткий миг,

что песнями рожден,
Поэту он приносит славы бремя,
Так пусть мой голос зарифмует он,
Его услышьте, президент и время.

За праздничным столом сидит поэт.

И до меня,

до всех несчастных вместе

Ему сейчас, как видно, дела нет.

Тогда кому нужна такая песня?

Когда с трибуны он читает стих,

Металл холодный в голосе поэта.

О, край родной!

Кто защитит твоих

Детей,

которым нет дороги к свету?!

Другой поэт меня услышать рад.

Он, как и я, изгой, забытый всеми.

Так не горюй,

не сокрушайся, брат,

Что ты не спас меня в лихое время!

Я слышу сердца мамы громкий стук,

То ласточкой оно взлететь стремится,

То ястребом,

сорвавшись с неба вдруг,

Клюет мне душу

беспощадной птицей...

«Бог до рожденья пишет нам на лбу
Свое письмо –
в нем светлых красок мало!» –
Далекая прабабушка судьбу,
Мне посланную свыше, предсказала.

Мольба моя сильна...

А кровь струясь,
Ах, мама, мама,
не на землю пала.
Затих мой голос, в эхо обратясь,
Которое потом стихами стало.

9. Эхо

Колыбельная песня не любит
пустой колыбели,
Любит песня хвалебная,
коль ее громко поют.
Повелось на земле,
и все люди заметить сумели:
Деньги ищут богатых,
к несчастным несчастные льнут.

Те, кто славой почтен,
обязательно славного хвалят,
Сильный сильному руку стремится
при встрече пожать.
А к бессильному сила однажды

прибудет едва ли,
От несчастного счастье все время
спешит убежать.

Нерожденный младенец...

Погасло светило, погасло...
Только мир сделал вид,
будто драмы не произошло,
Только ода звенит,
головой кивая согласно,
И бесстрастное время
мелодию ту вознесло.

Тот, кто бьет в барабан,
затевая хвалебные речи,
Поднимается вверх,
чтобы славы цветы собирать.
Замер голос младенца.
Не вышло обещанной встречи,
Только эхо тревожно врывается
в душу опять.

Лира та,
что судьбой с твоей участью,
мальчик мой, схожа,
Вторит горькому эху,
пытаясь его поддержать.
Так бедняга бедняге в несчастье
сочувствовать может,
К струнам сердца пытаюсь дорогу

ВПОТЬМАХ ОТЫСКАТЬ.

Песни слезы роняют
с крестов
прямо в сердце поэта...
Если рядом на свете окажется
двое сирот,
Их с пути не собьешь,
И сиротства у них уже нету,
Это значит,
что жизнь нам суровый вопрос задает.

10. Через год... После моей гибели

Когда бросила мама меня,
Пес пришел,
чтоб меня унести.
От зубов его спрятался я,
Убежал,
чтобы душу спасти.

Когда кровного предал отец,
Черный ворон возник на пути.
Убежал я,
почуяв конец,
Убежал,
чтобы душу спасти.

Хоть и мама меня предала,

В поле в том,
 что имеет глаза,
Нежно липа меня обняла,
Чтобы мне обо всем рассказать.

Когда кровного бросил отец,
Дуб в лесу мой поддерживал дух.
Мне шептал:

 «Не теряйся, птенец»,–
Лес дремучий, имеющий слух.

А сегодня исполнился год
После ангельской смерти моей,
Вольный ветер об этом поет
Поздним вечером в трубах печей.

Возвращаясь в родительский дом
Поздней ночью в весеннем саду,
Словно филин, я вою о том:
Человеком сюда не приду-у!

Легкой ласточкой
 в ласковый сад,
В сад родительский я прилечу,
Каждой веточке крохотной рад
О себе я напомнить хочу.

Утром вышли и мать, и отец
В сад, где я среди веток и трав.
Ах, узнайте меня, наконец!

Нет!

Уходят меня не узнав...

Неужели отцу не понять,
Что душа у меня все же есть,
Как же не догадается мать,
Что она,

словно ласточка, здесь...

Только Таня о чем-то своем
Все щебечет, щебечет опять,
Объясняясь чужим языком –
И не смог я сестренку понять.

Мама нежно ее обняла,
Учит пению – ласковый миг!
Я прислушался: песня плыла,
Но, увы!

Не родным был язык.

Вот отец ее к небу поднял,
Вся забота – о Тане одной.
Поучительно голос звучал,
Но опять был язык не родной.

Я дивился, тоскуя, любя,
Как могло наше слово пропасть?
Неужели, родное, тебя
Тоже кинули в черную пасть?

Неужель ты, язык наш родной,
Затерялся,

как леший, в лесу,

Неужель нас отдали с тобой
На съедение жадному псу?

Став травинкой,

я к маме приник,

Как ласкался в сиянии дня,
Словно песня, звучал мой язык,
Только мать затоптала меня.

Обратившись в древесный сучок,

Обнимал я отца и молил,

Но он сына расслышать не мог

И на щепки сучок разломил.

Обернулся себе на беду

Ежевикой, сестренку маня,

Словно ягоду волчью, в саду

Таня пнула ногою меня.

Счастьем,

съеденным псом,

я сейчас,

Позабыв навсегда вашу речь,

Вою-плачу,

стараясь на вас

Страх и ужас ночами навлечь.

Перевод Л. Симоновой.